

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-80-91

Милитаризация экономики КНДР и её специфика на современном этапе

Захарова Людмила Владимировна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. КНДР исторически направляет значительные силы и средства на укрепление своей обороноспособности, что обусловлено сохраняющимися вызовами безопасности страны. В данной статье рассматриваются истоки и характерные черты милитаризации в экономической модели КНДР и раскрывается её специфика на современном этапе. Исследование основано на анализе официальных северокорейских заявлений и публикаций, а также научных работ российских и зарубежных учёных. В XXI в. в условиях враждебной военно-политической обстановки в КНДР сохраняется многочисленная армия, а развитие военно-промышленного комплекса осуществляется в приоритетном порядке с фокусом на реализацию высокотехнологичных ракетно-ядерных программ. Милитаризация экономики продолжит являться неотъемлемой чертой экономической модели КНДР в обозримом будущем. Она предполагает, с одной стороны, направление существенных ресурсов на военные цели, а с другой, обеспечивает руководству страны возможности для мобилизационного решения поставленных хозяйственных задач за счёт привлечения к ним армии и ВПК.

Ключевые слова: КНДР, милитаризация экономики, сонгун, военно-промышленный комплекс, мобилизационная экономика, ракетно-ядерная программа.

Автор: Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, учёный секретарь, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: zakharova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0018 «Перспективы корейского урегулирования и интересы России»).

Для цитирования: Захарова Л.В. Милитаризация экономики КНДР и её специфика на современном этапе // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 80–91. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-80-91

Militarization of the DPRK's economy and its specifics at the present stage

Zakharova Liudmila V.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The DPRK has historically directed significant efforts and resources to strengthening its defense capabilities, due to ongoing security challenges to the country. The article examines the origins and features of militarization in the economic model of the DPRK and reveals its specifics at the present stage. The study is based on the analysis of official North Korean statements and publications, as well as academic works of Russian and foreign researchers. In the 21st century, in a hostile military-political situation, the DPRK maintains a large army, and the development of the military-industrial complex remains a priority, with a focus on the implementation of high-tech nuclear and missile programs. The militarization of the economy will continue to be an integral feature of the DPRK's economic model for the foreseeable future. It involves, on the one hand, the diversion of significant resources for military purposes, and, on the other hand, provides the country's leadership with the opportunity to solve national economic tasks by mobilizing the army and the military-industrial complex.

Keywords: North Korea, militarization of the economy, songun, military-industrial complex, mobilization economy, nuclear missile program.

Author: Zakharova Liudmila V., Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: zakharova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0018 "Prospects for the Korean settlement and Russia's interests").

For citation: Zakharova L.V. (2024). Militarizatsiya ekonomiki KNDR i ee spetsifika na sovremennom etape [Militarization of the DPRK's economy and its specifics at the present stage]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 80–91. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-80-91

Введение

С момента разделения Кореи на два государства в 1948 г. на Корейском полуострове сохраняется напряжённая военно-политическая обстановка. Противостояние правящих элит Севера и Юга, претендовавших на контроль над всем полуостровом, в 1950 г. привело к масштабному военному конфликту. Корейская война, интернационализованная участием войск ООН, советских лётчиков и китайских народных добровольцев, завершилась подписанием перемирия в 1953 г., однако сам конфликт юридически так и остался незавершённым [Жебин 2023: 28].

Каждое из корейских государств пошло по своему пути развития: на Севере была реализована социалистическая модель, а Юг избрал капиталистический путь. Ускоренная индустриализация в КНДР была проведена раньше, чем в Республике Корея, с упором на развитие тяжёлой промышленности и её ядра – военно-промышленного комплекса (ВПК).

Милитаризация экономики стала одной из характерных черт северокорейской модели развития, ориентированной на создание самостоятельного государства, способного проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику.

В данной статье рассматриваются истоки и характерные черты милитаризации в экономической модели КНДР, а также раскрывается её специфика на современном этапе. Исследование основано на анализе официальных северокорейских заявлений и публикаций, а также научных работ российских и зарубежных учёных.

Истоки милитаризации экономики КНДР

После окончания Корейской войны главной целью КНДР было преодоление экономической отсталости. Для этого была проведена импортозамещающая индустриализация с формированием многоотраслевого хозяйственного комплекса. Приоритетом объявлялось создание самостоятельной национальной экономики, максимально удовлетворяющей собственные потребности за счёт отечественных ресурсов, национальных кадров и технологий. При этом важным фактором успешной индустриализации КНДР стала внешняя помощь социалистических стран во главе с СССР.

Перед руководством страны, с одной стороны, стояли задачи по повышению уровня жизни населения, а с другой – по обеспечению безопасности государства. Несмотря на заключение в 1961 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, отношения Северной Кореи с Советским Союзом были непростыми. В 1962 г. Н.С. Хрущёв отказался поставить в КНДР на безвозмездной основе советское вооружение и боевую технику, что поставило перед северокорейским руководством вопрос о форсированном создании собственного ВПК. Учитывая напряжённую обстановку на Корейском полуострове в начале 1960-х гг., правительство КНДР приняло решение увеличить расходы на оборону, произвести перераспределение материально-финансовых средств из гражданских отраслей на оборонное строительство и внести изменения в программу экономического развития. V пленум Центрального комитета Трудовой партии Кореи (ТПК) 4-го созыва в декабре 1962 г. выдвинул курс на параллельное экономическое и оборонное строительство. В соответствии с ним были резко увеличены капиталовложения на нужды обороны, которые с середины 1960-х гг. составляли примерно треть всех ежегодных расходов госбюджета. В результате темпы экономического роста сократились [Опыт строительства социалистической экономики в странах Азии 1986: 127]. В 1966 г. конференция ТПК подтвердила линию на параллельное военное и экономическое строительство. С этого времени процесс милитаризации северокорейской экономики принял целенаправленный характер и стал последовательно и настойчиво осуществляться руководством КНДР [Торкунов, Денисов, Ли 2008: 201]. По внешним оценкам, к 1970-м гг. Северная Корея создала в целом независимый военно-промышленный комплекс, способный к массовому производству вооружений [Smith 2015: 138].

Своего апофеоза милитаризация экономики достигла в 1990-е гг., когда перестройке по образцу армии подлежало всё северокорейское общество, а страна жила в режиме осаждённой крепости. Во второй половине 1990-х гг. генеральным государственным курсом была провозглашена политика «сонгун» («приоритет армии»), требовавшая отдавать приоритет армии при решении всех вопросов, включая экономические. В условиях распада

мировой системы социализма, дезинтеграции СССР и обострения военно-политической обстановки на Корейском полуострове первоочередной задачей стало всемерное повышение боевого уровня Корейской народной армии [Ванин 2016: 575–577]. С этой целью подчёркивалась необходимость безусловного приоритета в экономике оборонной промышленности.

Частью политики «сонгун» стало повышение роли военных в управлении экономикой страны. Государственный комитет обороны (ГКО) во главе с Ким Чен Иром занял центральное место в системе государственного управления, в его ведении оказалось руководство военно-промышленным комплексом, а представители ГКО были внедрены в каждое министерство страны [Панкина 2010: 80]. В КНДР отмечалось, что развитие военной промышленности должно происходить не за счёт ущемления или игнорирования нужд лёгкой промышленности и сельского хозяйства, а при их параллельном развитии. Однако существовавший на практике приоритет оборонных производств и возросшая роль военных в руководстве страной в условиях общего дефицита ресурсов ограничивали возможности развития других отраслей промышленности, что не позволяло повысить уровень жизни населения. В соответствии с задачами политики «сонгун» проводилась модернизация ВПК, которая позволила провести в августе 1998 г. запуск трёхступенчатой баллистической ракеты, продемонстрировавший достижение серьёзных результатов в развитии ракетной промышленности [Панкина 2010: 78].

Некоторые востоковеды считают «сонгун» ситуационной моделью управления экономикой и страной в целом, сравнивая её с моделью управления в СССР в период Великой Отечественной войны. Сложнейшая политическая и социально-экономическая ситуация 1990-х гг. в КНДР потребовала чрезвычайных мер руководства государством, в связи с чем на первый план выдвинулась армия и армейская риторика. По мере же укрепления вооружённых сил страны и улучшения внутренней обстановки необходимость в чрезвычайных мерах стала отпадать, и к концу 2010-х гг. упоминания о политике «сонгун» остались в прошлом [Асмолов, Захарова 2022].

Приоритет развития ракетно-ядерных вооружений и «цена» успехов

Превосходящая военная мощь потенциальных противников (под ними в КНДР понимают, прежде всего, США, Японию и Южную Корею), проводящих враждебную политику, является для Пхеньяна огромным вызовом, требующим сохранения высокого уровня милитаризации экономики. Своим главным врагом северные корейцы считают США, разместившие войска в Южной Корее и в начале 2000-х гг. причислившие КНДР к «оси зла». У северокорейских границ регулярно проводятся крупномасштабные американо-южнокорейские военные учения, которые Пхеньян считает подготовкой к войне.

Реагирование на военные манёвры требовало от КНДР поддержания высокого уровня боеспособности армии и разработки эффективных средств сдерживания. Имея ограниченные ресурсы, северокорейское руководство выбрало путь развития ядерных и ракетных технологий с целью защитить себя от нападения извне. Базой для развития ядерной программы послужили крупные отечественные месторождения урановой руды (около 26 млн т), а также целенаправленные многолетние усилия по развитию соответствующих технологий. В создании оружия массового поражения Пхеньян видел средство обеспечения безопасности

страны на фоне существенно ухудшившейся для него внешнеполитической обстановки после распада СССР и мирового социалистического лагеря [Торкунов, Денисов, Ли 2008: 423].

В 1990-е и начале 2000-х гг. северокорейское руководство использовало саму вероятность наличия у него ядерного оружия как фактор обеспечения безопасности и «козырную карту» на переговорах с основными противниками. Пхеньян умело использовал свои ядерные амбиции в экономических целях, получая за заморозку или отказ от каких-либо элементов ядерной программы внешнюю помощь, в том числе критически важные поставки энергоносителей [Дьячков 2016: 121]. Однако во второй половине 2000-х гг. ситуация радикально изменилась: КНДР смогла испытать ядерное оружие и перестала рассматривать его в качестве предмета торга на международных переговорах. С 2006 по 2017 г. Северная Корея провела шесть ядерных испытаний, в 2012 г. внесла в Конституцию положение о своём ядерном статусе.

На Западе распространённым тезисом является утверждение о том, что акцент КНДР на ядерном оружии и развитии ракетных технологий означает принесение гражданской экономики в жертву военным амбициям. В частности, по южнокорейским оценкам, в 2023 г. КНДР потратила от 800 млрд до 1,3 трлн вон, то есть чуть менее 1 млрд долл., на 30 ракетных пусков¹. Вместо этого, как заявляют зарубежные эксперты, на эти средства можно было бы закупить продовольствие для гражданского населения. Однако в Северной Корее приоритет мер по обеспечению безопасности не подвергается сомнению. В северокорейских научных публикациях по-прежнему подчёркивается необходимость развивать военную промышленность в первоочередном порядке, так как именно она является опорой независимой национальной экономики².

Оценить общие военные затраты Северной Кореи на современном этапе довольно сложно, как в силу информационной закрытости страны, так и по причине непрозрачности процесса распределения ресурсов в экономике. Согласно официальным сообщениям, в расходах государственного бюджета на оборону выделяется 15,9 %³. Однако весьма вероятно, что часть бюджетных расходов на «развитие экономики страны и улучшение жизни народа» (45 % всех расходов госбюджета) в первую очередь направляется на предприятия военно-промышленного комплекса. Зарубежные оценки общих военных расходов КНДР обычно колеблются около отметки 25–33 % ВВП [Жебин 2006: 83; Scobell, Sanford 2007: 9] или около 10 млрд долл. по состоянию на середину 2010-х гг. [Cho Namhoon 2016: 22]. При этом в абсолютном выражении они существенно уступают военному бюджету Республики Корея, увеличившемуся за 2005–2023 гг. с 22 до почти 48 млрд долл.⁴.

---

¹ 신원식 "북 극초음속 미사일 활공비행 성공 못해...미완 단계" [Син Вон Сик: «Планирующий полёт гиперзвуковой ракеты Северной Кореи не увенчался успехом... Он находится на незавершённой стадии»]. *Yonhap News*, 14.04.2024. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20240414021900504> (дата обращения: 15.04.2024). (На кор.)

² 국방공업의 지위를 옹호하게 밝히는것은 사회주의경제건설에서 절략적 의의를 가지는 중요한 문제. *경제연구* [Правильное освещение места оборонно-промышленного комплекса – важный вопрос, имеющий стратегическое значение в строительстве социалистической экономики. *Экономические исследования*]. 2018. № 1. С. 9–10. (На кор.)

³ Об итогах исполнения государственного бюджета КНДР за прошлый год и государственном бюджете на нынешний год. *ЦТАК*, 19.01.2023. URL: <http://knaa.kp/ru/article/q/7def8cbe282ea0e089e4965562cf60eb.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024)

⁴ SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://milex.sipri.org/sipri> (accessed: 30.04.2024).

Происходящая на полуострове гонка вооружений не позволяет КНДР существенно сократить военные расходы.

Самостоятельно испытанное ядерное оружие и произведённые запуски спутников считаются в КНДР важным доказательством независимости и продвинутой экономики страны, ориентированной на оборонную промышленность⁵. В 2010-е гг. КНДР активно испытывала новые виды вооружений, включая межконтинентальную баллистическую ракету «Хвасон-15», способную нанести удар по материковой части США. В начале 2020-х гг. руководство КНДР анонсировало масштабную программу создания разнообразных видов вооружений, включающих новые баллистические и квазибаллистические ракеты, разделяющиеся головные части, гиперзвуковые маневрирующие боевые блоки, беспилотные летательные аппараты, разведывательный спутник и атомную подводную лодку с баллистическими ракетами [Хрусталёв 2021: 44].

Освоение подобных современных видов оружия свидетельствует о достаточно высоком уровне развития местного ВПК, который, как и в других странах, является источником технологического прогресса и инноваций для других отраслей экономики. В 2010-е гг., в частности, заметный импульс получили высокотехнологичные отрасли, среди которых ядерная энергетика, информатика и космическая отрасль. Индустрия информационных технологий также является важным компонентом современного оборонного комплекса КНДР, имеющим большое значение и для гражданских отраслей.

Успехи ракетно-ядерной программы позволили КНДР достичь ситуации, когда главные противники боятся ударить первыми, потому что могут понести неприемлемый ущерб в результате контрудара. Подобный результат в глазах северокорейского руководства и широких народных масс вполне оправдывает направление значительных ресурсов на военные цели. Обратной стороной медали стали международные экономические санкции, введённые против Северной Кореи Советом Безопасности ООН в ответ на ядерные испытания и запуски межконтинентальных баллистических ракет в 2006–2017 гг. В результате КНДР оказалась фактически отрезана от мировой финансовой системы, а её возможности для торгового, инвестиционного, научно-технического сотрудничества с другими странами были существенно ограничены. Эксперты Института экономики РАН оценивали общий негативный эффект санкций (включая экспортные ограничения и запрет на использование труда северокорейских рабочих за рубежом) в 4,6–8,2 млрд долл., что составляло примерно 20–25 % оценочного значения ВВП КНДР [Толорая, Коргун, Горбачёва 2020: 20]. Северокорейское руководство считает введённые против страны ограничения незаконными и пытается обходить их всеми возможными способами.

До ужесточения международных санкций военная промышленность КНДР активно работала на экспорт. По имеющимся оценкам, в 2000-е гг. от трети до половины общей экспортной валютной выручки государства приходилось на поступления от экспорта оружия [Постсоциалистический мир: итоги трансформации 2018: 123]. Основными потребителями северокорейских поставок вооружений, базирующихся на советских образцах, были ближневосточные страны. После усиления санкций СБ ООН с 2006 г. возможности этого вида заработка для Пхеньяна стали быстро сокращаться. Из-за ужесточения международного

---

⁵ Из выступлений северокорейских учёных-экономистов на Международном научном симпозиуме в Пхеньяне, октябрь 2011.

контроля за транспортировкой грузов из КНДР, по оценкам зарубежных экспертов, к середине 2010-х гг. доходы страны от экспорта вооружений упали ниже уровня 10 % от всей валютной выручки [Haggard, Noland 2017: 85–86], что заставило Пхеньян искать другие источники доходов.

Использование армии для решения хозяйственных задач

Милитаризация хозяйства КНДР исторически предполагает не только перекачивание ресурсов из гражданских отраслей в военные. В мобилизационной экономике стандартной практикой является использование частей Корейской народной армии (КНА) для решения важных хозяйственных задач, связанных с крупными строительными, срочными сельскохозяйственными работами или экстренными ситуациями. В частности, такие масштабные проекты, как строительство Западноморского шлюза реки Тэдонган, важнейшие автомагистрали, связавшие Пхеньян с Вонсаном на восточном побережье и с Кэсоном у демилитаризованной зоны, гидроэлектростанции, железные дороги, тоннели, часто строились при решающем участии военных [Жебин 2006: 84].

До сих пор в КНДР армия играет роль дешёвого, легко мобилизуемого резерва рабочей силы, прежде всего, в строительстве и тяжёлых видах работ. Масштабы этого резерва могут составлять до нескольких сотен тысяч человек, поскольку служба по призыву сроком от 2 до 9 лет является обязательной как для мужчин, так и для женщин [Панкина 2010: 80]. По данным первой в истории страны переписи населения КНДР, проведённой в 1993 г., население работоспособного возраста составляло около 12 млн человек. Около 691 тыс., то есть почти 6 %, из них были военнослужащими, проживающими в военных частях. По данным переписи 2008 г., 724 тыс. человек из 12,2 млн работающего населения были заняты в «госуправлении, органах обороны и общественной безопасности»⁶. Подобная динамика численности предполагает, что даже в период кризисных 1990-х гг. КНДР не пошла на сокращение численности армии, видя в ней залог стабильности государства.

Зарубежные оценки в начале 2000-х гг. предполагали численность северокорейской армии до 1,1 млн человек, а если учитывать и другие вооружённые формирования, то в них состояло около 15 % всего населения страны [Жебин 2006: 83]. Учитывая общую численность населения в 25 млн человек, западные учёные называли КНДР «самой милитаризованной страной в мире» [Scobell, Sanford 2007: 6].

Спецификой функционирования Корейской народной армии является организация самообеспеченности в экономическом плане. Производством и поставкой предметов военного назначения, таких как одежда и инструменты, которые северокорейские солдаты непосредственно используют в своей повседневной жизни, занимаются заводы по производству предметов первой необходимости военного назначения, находящиеся в ведении Министерства народных вооружённых сил КНДР. Северокорейские военные участвуют в деятельности по зарабатыванию иностранной валюты, владея внешнеторговыми компаниями и производственными базами [Cho Namhoon 2016: 20]. В прессе КНДР часто упоминаются подсобные хозяйства, птицефермы и рыбные хозяйства, принадлежащие

---

⁶ DPR Korea 2008 Population Census National Report (2009). Central Bureau of Statistics, Pyongyang, DPR Korea. 273 p.

различным частям КНА. Это позволяет им в значительной степени обеспечивать себя продовольствием и другими товарами первой необходимости.

О специфике милитаризации экономики КНДР в 2010–2020-е гг.

После прихода к власти Ким Чен Ына в конце 2011 г. руководство страны стало постепенно отходить от политики «приоритета армии» к более сбалансированному курсу, ориентированному одновременно на экономическое развитие и поддержание обороны страны. В 2013 г. на партийном пленуме был провозглашён переход к «стратегической линии по параллельному развитию экономического строительства и создания ядерных сил»⁷. После решения основных задач в военной сфере в 2018 г. руководством был провозглашён курс концентрации всех сил на экономическом строительстве. На институциональном уровне подвижки в области приоритетов выразились в упразднении ГКО и создании в 2016 г. Государственного совета КНДР под председательством Ким Чен Ына для осуществления комплексного руководства ускоренным развитием экономики и культуры в условиях укрепившейся обороны [Захарова 2017: 39].

Роль военных стала меняться по мере концентрации экономических полномочий у Кабинета министров. В его ведение был передан ряд функций, ранее принадлежавших армейским структурам. Например, вместо инвестиционной группы «Тэпхун», созданной в 2010 г. и контролируемой военными, главным органом по привлечению иностранных инвестиций в 2012 г. стала Комиссия по совместным предприятиям и инвестициям, подчинявшаяся Кабинету министров. В 2013 г. значительная часть её функций перешла к сформированной Комиссии государственного экономического развития. А в 2014 г. оба этих органа вошли в состав Министерства внешнеэкономических связей, сформированного на базе бывшего Министерства внешней торговли КНДР [Асмолов, Захарова 2022: 224].

Усиление роли Кабинета министров подтверждалось и статусом премьер-министра. После 7-го съезда Трудовой партии Кореи в 2016 г. глава Кабинета министров был включён в состав Центрального военного комитета партии и имел возможность участвовать в принятии решений в области военной политики. Если ранее Кабинет подчёркивал свою роль в эффективной поддержке оборонной промышленности, то при новой стратегической линии у премьер-министра появилась возможность более активно привлекать военных к решению национальных хозяйственных вопросов. Этого требовали амбициозные задачи по повышению уровня жизни населения, поставленные руководством страны.

В 2010-е гг. происходила оптимизация и перераспределение ресурсов из военных в гражданские сектора экономики, в том числе за счёт производства на военных заводах гражданской продукции или сырья, необходимого для гражданской промышленности [Choi Eunju 2020: 37]. В своём новогоднем обращении в 2019 г. Ким Чен Ын отмечал, что «работники оборонной промышленности, всем сердцем восприняв боевой призыв родной партии сконцентрировать все силы на хозяйственном строительстве, дали стране различные сельскохозяйственные, строительные машины, продукцию кооперативного производства и товары народного потребления, что способствовало процессу экономического развития

---

⁷ Report on Plenary Meeting of WPK Central Committee. KCNA, 31.03.2013. URL: <http://www.kcna.co.jp/item/2013/201303/2013-03-31ee.html> (accessed: 09.08.2024)

страны и повышения благосостояния населения»⁸. Таким образом, можно говорить о том, что производственные мощности ВПК активно задействуются для восполнения дефицита оборудования и потребительских товаров в гражданской экономике, хотя о полноценной конверсии данных пока нет. Кроме того, имели место случаи перепрофилирования военных баз для использования в целях экономического развития. В частности, на полуострове Вонсан-Кальма, где ранее проводились артиллерийские стрельбы, создаётся крупный прибрежный туристический район. На территории бывших авиабаз Чунпхён в 2019 г. И Рёнпхо в 2022 г. были построены крупные тепличные комплексы с использованием современных технологий.

В начале 2020-х гг. перед армейскими частями были поставлены новые важные задачи в области строительства. В частности, в период выполнения пятилетнего плана на 2021–2025 гг. ставится цель построить 50 тыс. квартир в Пхеньяне, чтобы полностью решить жилищный вопрос в столице. «Воины-строители» вносят существенный вклад в это дело, стоя в авангарде ежегодного строительства 10 тыс. квартир в современных жилых домах на улицах Пхеньяна⁹.

По приказу партии военнослужащие КНА реализовали ещё один крупный проект по развитию северокорейской столицы. В марте 2024 г. на окраине Пхеньяна торжественно прошла церемония завершения строительства и ввода в строй Кандонского тепличного комбината с общественными зданиями и террасными жилыми домами. Над их строительством трудились солдаты и офицеры авиационных частей, а также преподаватели, сотрудники и курсанты военных училищ¹⁰. Построенный с использованием современных технологий новый тепличный комплекс призван вносить весомый вклад в улучшение питания жителей столицы овощами. В дальнейшем строительство подобных современных теплиц планируется по всей стране, и высока вероятность привлечения к этому армейских частей, уже имеющих соответствующий опыт.

В начале 2024 г. Трудовой партией Кореи была объявлена политика регионального развития «20×10» по повышению материальных и культурных стандартов жизни народа путём радикальной модернизации местной промышленности, производящей потребительские товары. Согласно этой программе, в ближайшие 10 лет ежегодно в 20 уездах КНДР будут строиться новые производственные комплексы, которые должны стать локомотивами роста регионов. По сообщениям ЦТАК, в марте 2024 г. в 13 регионах в разных частях страны прошли церемонии начала строительства крупных производственных комплексов. В качестве объектов программы фигурируют в первую очередь те районы КНДР, которые серьёзно отстают по уровню экономического развития от среднего по стране¹¹. Для

---

⁸ New Year Address of Supreme Leader Kim Jong Un. KCNA, 01.01.2019. URL: <http://www.kcna.co.jp/item/2019/201901/news01/20190101-24ee.html> (accessed: 09.08.2024)

⁹ ЦТАК опубликовало подробное сообщение о том, что строители жилых домов на 10 тысяч квартир – второй очереди жилищного строительства в районе Хвасона блестяще осуществили очередное заветное желание нашей партии для народа. ЦТАК, 18.04.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/4bf52b45b823479d00591042ef78d12d.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024)

¹⁰ Уважаемый товарищ Ким Чен Ын присутствовал на церемонии завершения строительства и ввода в строй Кандонского тепличного комбината. ЦТАК, 16.03.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/96624a69402f2bf93f9a2c28536f04ce.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024)

¹¹ Кирьянов О. В 13 районах КНДР одновременно началось строительство крупных промкомплексов. *Российская газета*, 11.03.2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/11/v-13-rajonah-kndr-odnovremenno-nachalos-stroitelstvo-krupnyh-promkompleksov.html> (дата обращения: 10.06.2024).

строительства современных промышленных предприятий в различных видах войск были сформированы новые строительные полки «124» КНА¹². При этом за дальнейшую эксплуатацию создаваемых объектов будут отвечать местные партийные и административно-хозяйственные работники. По словам премьер-министра страны, руководящие работники соответствующих районов должны предусмотрительно создавать сырьевые базы, готовить техников и мастеров, чтобы обеспечить непрерывность производства в будущем¹³. Армейские же части предоставляют, прежде всего, трудовые ресурсы для реализации поставленных партией задач.

Таким образом, в современных условиях руководство страны пытается максимизировать экономический эффект от сохранения многочисленной армии. И хотя существенные финансовые и кадровые ресурсы направляются на обеспечение обороны страны, вклад армии в мирное хозяйственное строительство становится всё более существенным. Военные КНДР являются в экономике страны не только потребителями, но и производителями, причём как для своих собственных нужд, так и для удовлетворения гражданских потребностей. Реализация крупных государственных проектов, участие в которых принимают военнослужащие, позволяет обеспечить занятость и для других слоёв северокорейского населения.

Заключение

В XXI в. в условиях враждебной военно-политической обстановки для руководства КНДР на первом месте стоят вопросы обеспечения безопасности государства. Вследствие этого сохраняется многочисленная армия, а развитие военно-промышленного комплекса осуществляется в приоритетном порядке с фокусом на реализацию высокотехнологичных ракетно-ядерных программ. Милитаризация экономики, выражающаяся в значительном объёме расходов на военные цели, останется неотъемлемой чертой экономической модели КНДР в обозримом будущем. При этом расходы на поддержание обороноспособности оптимизируются за счёт перенесения фокуса в ядерную и ракетную сферы.

В 2010-е гг. произошли существенные изменения в роли военных в экономике, сопровождавшиеся передачей ряда важных экономических функций из военных структур в гражданские. Используя лозунг «народ превыше всего», руководство страны стремится максимально задействовать армию в решении экономических проблем страны. Военные являются важным источником рабочей силы для выполнения поставленных партией национальных задач: от помощи в проведении сельскохозяйственных работ и устранении последствий стихийных бедствий до активного участия в развёрнутом по всей стране крупномасштабном строительстве жилья, тепличных комплексов и промышленных объектов. Оборонные предприятия подключаются к производству товаров невоенного назначения для снабжения сельского хозяйства и гражданской промышленности. Таким образом, милитаризация экономики КНДР на современном этапе, с одной стороны,

---

¹² Уважаемый товарищ Ким Чен Ын произнёс речь на церемонии начала построения предприятий местной промышленности в уезде Сончхон. ЦТАК, 29.02.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/b8b09585856917fb8519f29d9f7cc383.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024).

¹³ Премьер-министр Ким Док Хун ознакомился на месте с положением дел области сельского хозяйства в провинции Южный Хванхэ. ЦТАК, 18.04.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/a5e2816af4da4ad39c801253acbf4edc.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024).

предполагает направление существенных ресурсов на цели повышения обороноспособности государства, а с другой, обеспечивает руководству страны возможности для мобилизационного решения поставленных хозяйственных задач за счёт привлечения к ним армии и ВПК.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.
- Ванин Ю.В. История Кореи. Избранные статьи. М.: ИВ РАН, 2016. 828 с.
- Дьячков И.В. «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел. М.: МГИМО-Университет, 2016. 239 с.
- Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006. 216 с.
- Жебин А.З. Юбилей незаконченной трагедии // Кореистика. 2023. № 3 (4). С. 27–40.
- Захарова Л.В. Экономика КНДР: взгляд изнутри // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 38–45.
- Опыт строительства социалистической экономики в странах Азии. М.: Наука, 1986. 291 с.
- Панкина И.Ю. Политика приоритета армии в КНДР: экономический аспект // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 73–84.
- Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2018. Т.3. Азиатские модели реформирования. Возможности и вызовы для России / отв. ред. Г.Д. Толорая. 184 с.
- Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
- Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с.
- Хрусталева В.В. Анонсированные программы наступательных вооружений КНДР: анализ реальных возможностей // Современные проблемы Корейского полуострова: Материалы XXV конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 25–26 марта 2021 года. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 44–55.

REFERENCES

- Asmolov K.V., Zakharova L.V. (2022). *Sovremennaya Severnaya Koreya: pervoye desyatiletie epokhi Kim Chen Yna (2012–2021)* [Modern North Korea: the first decade of the Kim Jong Un era (2012–2021)]. Moscow: ICCA RAS, 440 p. (In Russian).
- D'yachkov I.V. (2016). «Nemirnyy atom» Severo-Vostochnoy Azii: koreyskiy uzel [“Non-peaceful atom” of Northeast Asia: the Korean node]. Moscow: MGIMO, 239 p. (In Russian).
- Khrustalev V.V. (2021). Anonsirovannyye programmy nastupatel'nykh vooruzheniy KNDR: analiz real'nykh vozmozhnostey [Announced offensive weapons programs of the DPRK: the analysis of real possibilities]. *Sovremennye problemy Koreyskogo poluostrova [Modern problems of the Korean Peninsula]*. Moscow: IFES RAS, pp. 44–55. (In Russian).
- Opyt stroitel'stva sotsialisticheskoy ekonomiki v stranakh Azii [Experience in building a socialist economy in Asian countries]* (1986). Moscow: Nauka, 291 p. (In Russian).
- Pankina I.Yu. (2010). Politika prioriteta armii v KNDR: ekonomicheskiy aspekt [Army priority policy in the DPRK: economic aspect]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*, 1: 73–84. (In Russian).
- Postsotsialisticheskiy mir: itogi transformatsii [Post-socialist world: results of transformation]* (2018). V. 3. Aziatskiye modeli reformirovaniya. Vozmozhnosti i vyzovy dlya Rossii [Asian models of reform.

- Opportunities and challenges for Russia]. G.D. Toloraya (ed). Saint Petersburg: Aleteyya. 184 p. (In Russian).
- Toloraya G.D., Korgun I.A., Gorbacheva V.O. (2020). *Sanktsii v otnoshenii KNDR: analiz posledstviy i uroki* [Sanctions on North Korea: the Impact Analysis and Lessons]. Academic report. Moscow: Institute of Economics RAS. 46 p. (in Russian).
- Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.I.F. (2008). *Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoynnoy istorii* [Korean Peninsula: metamorphoses of post-war history]. Moscow, OLMA Media Grupp, 544 p. (In Russian).
- Vanin Yu.V. (2016). *Istoriya Korei. Izbrannyye stat'i* [History of Korea. Selected articles]. Moscow: IV RAN, 828 p. (In Russian).
- Zakharova L.V. (2017). *Ekonomika KNDR: vzglyad iznutri* [Economy of the DPRK: an inside view]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 12: 38–45. (In Russian).
- Zhebin A.Z. (2006). *Evolutsiya politicheskoy sistemy KNDR v usloviyakh global'nykh peremen* [The evolution of the political system of the DPRK in the context of global changes]. Moscow: Russkaya panorama, 216 p. (In Russian).
- Zhebin A.Z. (2023). *Yubiley nezakonchennoy tragedii* [Anniversary of an unfinished tragedy]. *Koreyevedeniye*, 3 (4): 27–40. (In Russian).

* * *

- Cho Namhoon (2016). *Bukhan gunsageongjeui hyeonhwang* [Current status of North Korea's military economy]. *KDI bukhangyeongjeribyu*, 12: 19–24. (In Korean).
- Choi Eunju (2020). *Kim Jong Un sidae gyeongje baljeon jeonryakgwa gungsusaneobui yeokhal* [Economic development strategy and the role of the military industry in the Kim Jong Un era]. *Sejongjeongchaegyongu*, 3. Sejong: sejongyeonguso. 41 p. (In Korean).
- Haggard Stephan, Noland Marcus (2017). *Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea*. Stanford, California: Stanford University Press, 321 p.
- Scobell, Andrew, and John M. Sanford (2007). *Introduction. North Korea's military threat: Pyongyang's conventional forces, weapons of mass destruction, and ballistic missiles*. Strategic Studies Institute, US Army War College, pp. 1–16.
- Smith Hazel (2015). *North Korea: Markets and Military Rule*. Cambridge University Press, 381 p.

Поступила в редакцию: 11.06.2024
Принята к публикации: 20.07.2024

Received: Jun 11, 2024
Accepted: Jul 20, 2024